

УДК 81;008

О. В. Ртищева

<http://orcid.org/0000-0003-2861-471X>

Языковая личность в культуре: направления исследований

Для цитирования: Ртищева О. В. Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 152–158. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-152-158

Статья посвящена рассмотрению вопросов определения языковой личности в контексте развития представлений о связи языка и культуры. Язык как явление культуры в определении языковой личности рассматривается при обращении к работам Й. Л. Вайсгербера. Рассуждая о языке как культурном достоянии, исследователь оценивает возможность его понимания как внутреннего содержания культуры. Языковая личность определяется контекстом внутренних особенностей культуры с учетом бытийных характеристик языка в его статике и динамике.

В отечественной науке первое упоминание языковой личности мы находим в работах В. В. Виноградова. Языковая личность в интерпретации исследователя выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. Важным аспектом реконструкции языковой личности у В. В. Виноградова является то, что автор обращает внимание на ее речевую структуру, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик.

Более детальная разработка практик языковой личности в контексте культуры осуществляется уже в современных отечественных лингвокультурологических концепциях. Так, например, В. И. Карасик рассматривает языковую личность с позиции лингвистической концептологии, ориентированной на интегративное понимание языка, с одной стороны, в его семантическом, ценностном аспектах, с другой стороны – практическом, функциональном аспектах. Об этом рассуждает Ю. Н. Караулов, пытаясь интегрировать полярность языковой личности уровнями ее организации с учетом инвариантных и вариативных характеристик.

Отмечается, что языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте культуры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни, отражающие ее духовное содержание.

Ключевые слова: языковая личность, языковое сообщество, языковая культура, языковая интеракция, лингвокультурология, культурный антропоцентризм.

О. V. Rtischeva

Linguistic personality in culture: research areas

The article deals with the definition of linguistic personality in the context of the relationship between language and culture. Language as a cultural phenomenon in determining the linguistic personality is considered in the works of J. L. Weisgerber. Speaking about language as a cultural value, the researcher evaluates the possibility for understanding it as an internal content of culture. Moreover, the author considers the linguistic personality within the context of the internal features of culture, taking into account the existential characteristics of language in its statics and dynamics.

In Russian science, the first mention of the linguistic personality is found in V. V. Vinogradov's works. In his interpretation the linguistic personality acts as an integrative formation including two sides, the collective (social) and individual. An important aspect of V. V. Vinogradov's linguistic personality reconstruction is the fact that the author focuses on the speech structure, which demonstrates real understanding of a language with regard to its functional characteristics, which overcome the closed existence in the system of set rules.

Modern Russian linguistic and cultural concepts present more detailed study of linguistic personality practices in the context of culture. For example, V. I. Karasik considers the linguistic personality from the point of view of linguistic conceptology, focusing on integrative understanding of a language in its semantic and value aspects, on the one hand, and in its practical and functional aspects, on the other. Y. N. Karaulov tries to integrate the polarity of the linguistic personality with the levels of its organization, taking into account invariant and variable characteristics.

The author notes that the linguistic personality can be characterized from the position of language consciousness and speech behavior. However, the focus of its study in the context of culture reveals certain aspects of human nature and

life connected to the implementation of cultural forms, in which the existential foundations of human life are realised, reflecting its spiritual content.

Keywords: linguistic personality, language community, language culture, language interaction, cultural linguistics, cultural anthropocentrism.

Введение. Культура и языковая личность в контексте антропоцентристской парадигмы гуманитарного знания

Современный научный интерес к языковой личности во многом диктуется становлением лингвокультурологии и когнитивной лингвистики в рамках антропологической, обусловленной формированием антропоцентристской парадигмы гуманитарного знания. «Термин „языковая личность” активно утверждается в лингвистике наших дней. Его востребованность обусловлена прежде всего антропологической направленностью современной науки о языке», – отмечает Е. В. Иванцова [Иванцова, 2010, с. 31]. Ключевой проблемой антропоцентристской гуманитаристики, в которой субъект выступает в качестве доминанты пространства человеческой деятельности, является рассмотрение культурных дискурсов в отношении к личности, что обуславливает внимание к различным формам языковой интеракции, обеспечивающей формирование символических конструкций, отражающих характер миропонимания, что выражается в ценностном содержании соответствующей культуры [Овчинникова, 2016]. Поэтому феномен языковой личности становится центральным в лингвокультурологии, интегрирующей в себе лингвистику и культурологию, ориентированной на исследование проблем, связанных с выявлением универсальных и идиоэтнических отношений в осуществлении языка, культуры, личности.

Культура и языковая личность в работах Й. Л. Вайсгербера

В связи с рассмотрением идиоэтнического содержания языка как явления культуры к вопросам определения языковой личности сквозь призму культуры впервые обращается Й. Л. Вайсгербер. В своей работе «Родной язык и формирование духа» (1929) автор рассматривает языковую личность в следующем контексте: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть он вырастает в это языковое сообщество. Благодаря тому, что

некая группа людей является носителем одного языка, он приобретает характер объективного образования. То есть язык какого-либо сообщества прежде всего не зависит от конкретного члена сообщества. Конечно, он всегда воплощается лишь в языковом организме конкретного человека и проявляется в мышлении и говорении, но он не может осуществиться полностью ни в одном из своих носителей; ведь никто не владеет всем своим родным языком. Он также не связан с конкретным человеком как таковым; так, один или даже целая группа членов языкового сообщества могут уйти в мир иной, но это не окажет негативного влияния на общее достояние языкового сообщества» [Вайсгербер, 2004, с. 81]. Отчасти автор рассматривает языковую личность в отношении к коллективной стороне жизни в сообществе, однако обращаясь к языковому сообществу, Й. Л. Вайсгербер ставит проблему отношения языка к культуре не на уровне внешних горизонтальных связей, а, по выражению И. А. Аполлонова, вертикальных, с учетом внутренних характеристик, которые устремлены к предельной универсальной родовой сущности человека, определяющей подлинность его «второй природы» [Аполлонов, 2018, с. 171]. Рассматривая язык как культурное достояние, Й. Л. Вайсгербер оценивает возможность его понимания как освоение внутреннего содержания культуры. С этой точки зрения становится очевидным, что языковая личность определяется контекстом внутренних характеристик культуры, в связи с чем возникают вопросы согласования ее субъектных позиций и культурной общности.

Согласование субъектной активности с культурной общностью должно осуществляться двояким образом с учетом статических и динамических характеристик языка: с одной стороны, это требует рассмотрения языка в аспекте оценки его как устойчивого образования, поэтому Й. Л. Вайсгербер пишет именно о родном языке, в котором усматривает реализацию возможности погружения в контекст его внутреннего содержания, а с другой стороны, это значимость рассмотрения языка как организмического образования, способного к развитию, к постоянному обновлению. В свою очередь статическое рассмотрение языка осуществляется с двух сторон: внешней

(звуковой) и содержательной (понятийной). Динамическое рассмотрение языка также имеет две стороны: с одной стороны, рассматривается роль языка в процессе познания, в процессе языкового открытия явлений и предметов действительности; с другой стороны, рассматривается влияние языка на поступки человека и на жизнь языкового коллектива в целом. И в этом автор продолжает идеи В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что язык есть не факт (*ergon*), а деятельность (*energia*): «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как создающий процесс (*Erzeugung*). При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [Гумбольдт, 2000, с. 69].

В связи с этим Л. П. Лобанова отмечает: «Язык как эргон содержит, согласно Вайсгерберу, статическую картину мира (*Weltansicht*), представленную „языковыми содержаниями“ (*sprachliche Inhalte*), а язык как энергея – динамическую картину мира (*Weltbild*), представленную „языковыми приемами“ (*sprachliche Zugriffe*) освоения мира» [Лобанова, 2013]. То есть, рассматривать язык как эргон, – значит определять его характеристики как изолированного образования, обращенного к себе, а видеть его энергею, – значит открывать в нем действенные возможности развития, ориентированного на открытие нового содержания. Опозиция эргон – энергея – это не формальное разделение на статичную письменную речь и динамичную устную речь, а опозиция более крупного масштаба, связанная с бытийными характеристиками языка в его статике и динамике.

Соответственно языковая личность отражает в себе эту двойственность языкового бытия, осуществление которого реализуется посредством языкового организма. По этому поводу Й. Л. Вайсгербер пишет: «Говоря о способности человека владеть конкретным языком, используют термин языковой организм человека (*Sprachorganismus*). Тем самым фиксируются два обстоятельства, скрывающиеся под термином язык: говорение (или в более общем виде – использование языковых средств) и индивидуальное владение языком, причем последнее образует основу первого» [Вайсгербер, 2004, с. 48]. В этой активности реализуется, с одной стороны, причастность языковой личности к целому, с другой стороны, ее самовыражение посредством владе-

ния языка. Однако просто языковое владение не отвечает характеру идиолекта как воплощения возможной языковой деятельности, поэтому Й. Л. Вайсгербер обращается к рассмотрению языкового потенциала человека, который включает лингвопсихологическую триаду: усвоение языка (*Sprachgewinn*) – языковая мощь – языковая деятельность (*Sprachtun*) [Радченко, 2005, с. 147].

В этом контексте Й. Л. Вайсгербер рассуждает о феномене языковой личности: «Языковой личностью мы считаем того человека, который способен во всех случаях, требующих от него языковых достижений, уместно действовать» [Цит по: Радченко, 2005, с. 147]. А языковое чутье, предвещающее языковые действия, становится способом перевода языковых конструкций из неосознанного состояния на осознаваемый уровень. Таким образом языковая личность в теории Й. Л. Вайсгербера фактически становится динамичной «культурообразующей силой» способной творить мир [Самарин, 2013, с. 166]. Если язык выражает внутренние основы культуры, и человек в своих языковых интеракциях проявляет эту связь, то его языковые действия становятся способом создания новых контекстов культуры, но в пределах своей погруженности в глубинное содержание родной культуры, определяющей картину мира языковой личности в виде «коллективной концептосферы», включающей ментальные концепты [Степанова, 2012, с. 188].

В связи с этим, обращаясь к характеристике языковой картины мира в исследованиях Й. Л. Вайсгербера, перекликающейся с пониманием языковой личности, В. П. Даниленко пишет: «Иначе говоря, от языковой картины мира, имеющейся в сознании, в принципе никто освободиться не может, но в рамках самой этой картины мы можем позволить себе некоторый „маневр“, который и делает нас индивидуальностями» [Даниленко, 2009, с. 15]. Таким образом в работах Й. Л. Вайсгербера просматривается проблема установления сложных корреляций языковой личности в отношении к себе и культуре в целом, которые не ограничиваются системой линейных причинно-следственных связей.

Культуры и языковая личность в отечественных исследованиях

В отечественной науке подобные корреляции языковой личности изначально рассматривались в аспекте постановки социальных проблематики. Первое упоминание языковой личности мы находим в работе В. В. Виноградова «О художествен-

ной прозе» (1930). В разделе своего исследования «Язык литературно-художественного произведения» автор, обращаясь к работам И. А. Бодуэна де Куртенэ, характеризуя его метод аналитического самонаблюдения как лингвистическую интерпретацию субъективного сознания в аспекте социально-языковой системы, отмечает, что «его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов, 1980, с. 61].

Далее языковая личность упоминается в связи с обращением к исследованиям Ф. де Соссюра, связанными с рассуждениями о языковом творчестве личности, предполагающем интеграцию индивидуального и социального контекстов в словесном мышлении: «В объектном плане все сказанное можно перенести и на parole как сферу творческого раскрытия языковой личности. Индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитых или дифференцированных социально-языковых и идеологически-групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами» [Виноградов, 1980, с. 91]. Рассуждая о сложностях деформаций социальных контекстов в их личностной интерпретации, В. В. Виноградов пишет: «Но здесь этот путь пересекается другим, когда изучение „личностного“ говорения отрывается от параллелизма построений и аналогий с социальной лингвистикой и стремится раскрыть структурные формы словесного творчества личности в имманентном плане. В этом случае социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Виноградов, 1980, с. 91].

Важным аспектом, на который обращает внимание Ю. Н. Караулов, является то, что В. В. Виноградов в реконструкции языковой личности основывался главным образом на говорении, т. е. если от безличной речи естественен переход к языку, то только от индивидуальной речевой структуры можно перейти к языковой личности, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик, преодолевающих замкнутое существование в системе заданных правил [Караулов, 2010, с. 34]. В том же контексте автор рассматривает поэтическую личность: «Поэтическая личность обычно не уместается в пределах одной литературной школы, потому что прибегает к различным приемам речевых построений. В таком случае она существует одновременно в нескольких школах, является но-

сительницей как бы нескольких „поэтических ликов“» [Виноградов, 1980, с. 96].

Следует отметить, что во многом размышления о языке у автора носили языковедческий и литературоведческий, но не лингвофилософский характер, предполагающий уже бытийный уровень обобщений. Таким образом, языковая личность в интерпретации В. В. Виноградова выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. В языковой интеракции эти стороны отличаются друг от друга, но при этом сохраняют свое единство. При развитии индивидуальной языковой личности ее социальная составляющая раскрывается на уровне всех «структурных оболочек». Соответственно в художественном языке поэтической личности реализуются те же самые установки: поэтика зависит от меры развития коллективной стороны языковой личности. В связи с этим В. В. Виноградов пишет: «В поэтической речи всплывают, затушевывая семантическое ядро, те периферические оттенки значений и эмоционального тембра слова, которые не составляют привычной данности повседневного языка и – ввиду этого – не осознаются как необходимая принадлежность того или иного знака. И для того чтобы ощутить индивидуальное и творческое в словоупотреблении поэта, надо владеть общими с ним лексемами литературной речи – в ее разных контекстах» [Виноградов, 1980, с. 93]. В этих суждениях отражается логика развития русского языкознания, ориентированного на рассмотрение роли языка в жизни общества, разработке социальных аспектов бытия языка и его дидактической уникальности с точки зрения формирования языковой личности.

Более детальная разработка практик языковой личности в контексте культуры осуществляется уже в современных отечественных лингвокультурологических концепциях. На сегодняшний день существует большое количество аспектных исследований языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) языковая личность; этно-семантическая языковая личность; элитарная языковая личность; семиологическая языковая личность, русская языковая личность, языковая и речевая личность, словарная языковая личность, эмоциональная языковая личность, языковая и коммуникативная личность и др., однако нас интересует направление рассмотрения языковой личности в контексте культуры, предложенное Й. Л. Вайсгербером в связи с выявлением глубинных связей характери-

стик культуры в языковых практиках. Но практическое решение этого вопроса оказывается проблематичным в связи с неоднозначной оценкой способов понимания этих связей, которые фиксируют собой совокупность не только языковых, но и «доязыковых» образований. По этому поводу В. И. Красик писал: «В целом выражение „доязыковой уровень” имплицитно пирамиду, в составе которой есть только одно измерение – от простого, доязыкового – к сложному, языковому. Эта модель, возможно, приятна лингвистам, но психологи, социологи и культурологи справедливо посчитают ее упрощенной и поэтому неверной. [...] Элементы сугубо контекстного понимания смысла пронизывают все наше общение» [Карасик, 2002, с. 133.].

По мнению автора, интегрируя достижения в области культурологического языкознания (В. фон Гумбольдт, Й. Л. Вайсгербер), на уровне таких контекстных образований можно рассматривать культурные доминанты, которые закрепляются в культурном концепте, представляющем собой «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2002, с. 137]. В этом ключе языковая личность определяется автором с позиции лингвистической концептологии, ориентированной на интегративное понимание языка, с одной стороны, в его семантическом, ценностном аспектах, с другой стороны – практическом и функциональном аспектах: «Языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик, 2002, с. 106]. Таким образом, парадокс языковой личности заключается в том, что при всей ее цельности она не поддается реконструкции в единой системе заданных координат.

Об этом рассуждает Ю. Н. Караулов: «Этот парадокс личности вообще своеобразно преломляется в структуре языковой личности, которая на каждом уровне своей организации соответственно имеет и вневременные, и временные, изменчивые, развивающиеся образования, и сочетание этих феноменов и создает наполнение соответствующего уровня» [Караулов, 2010, с. 39]. Исследователь пытается интегрировать полярность языковой личности уровнями ее организации с учетом

инвариантных и вариативных характеристик:

– на нулевом уровне рассматриваются системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период;

– на первом уровне – социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т. е. идеологические, отношения основных понятий в картине мира;

– на втором уровне – сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка») [Караулов, 2010, с. 42].

Соответственно выстраивая возможность полного описания языковой личности в целях ее анализа или синтеза, Ю. Н. Караулов предлагает следующий ряд действий:

а) характеристика семантико-строевого уровня ее организации (т. е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);

б) реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);

в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов [Караулов, 2010, с. 43].

Вне всякого сомнения, эти уровни зависят друг от друга, но, по мнению автора, эта зависимость далеко не прямая и не однозначная, для перехода от одного уровня к другому каждый раз нужна некоторая дополнительная информация. Таким образом, в этих рассуждениях исследователя есть косвенные указания на то, что содержание языковой личности не ограничивается лишь прямым указанием на ее отношение к видам индивидуальных и коллективных практик, существуют некие «зазоры», которые не поддаются логическому объяснению с позиции причинно-следственных отношений. В этом ключе правомерным является обращение к идеям Й. Л. Вайсгербера о внутренней глубинной связи, не обязательно на уровне ее

очевидного представления, языка и культуры, фиксирующей целостность языковой личности на всех уровнях ее бытования. Конечно, следует осознавать подвижность этой целостности, на что обращает внимание Ю. Н. Караулов, рассуждая о тезаурусе личности, фиксирующем способ организации знаний о мире: «Такое положение объясняет создавшуюся в науке (в частности, в лингвистике) парадоксальную ситуацию, когда при существующем у исследователей единодушии в признании тезауруса реальностью, оказывается крайне затруднительным выработать приемлемый для всех путь его объективирования: при общепринятых принципах его устройства символизация его узлов и связей допускает индивидуализацию» [Караулов, 2010, с. 172].

Пытаясь реконструировать целостность языка на уровне его функционирования в практиках и сознании языковой личности Ю. Н. Караулов обращается к «промежуточному языку»: «Тогда то, что я называю промежуточным языком, действительно будет занимать своеобразную прослоечную позицию, выполнять посредническую функцию и допускать изучение и трактовку с двух противостоящих одна другой позиций – взгляд от текста, с позиций внешней речи, и взгляд от интеллекта, с позиций коррелирующих с наблюдаемой речью интеллектуальных (когнитивных) структур и процессов» [Караулов, 2010, с. 186]. Предлагаемая гипотеза функционального положения промежуточного языка свидетельствует о стремлении выявить целостность отношений внешнего речевого потока (через ассоциативно-вербальную сеть) с тезаурусом языковой личности и системой ее коммуникативно-деятельностных потребностей через осознание равноправности уровней языковой личности.

Заключение. Онтологическая проблематика рассмотрения культуры и языковой личности

Вне всякого сомнения, языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте культуры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни. В связи с этим М. Хайдеггер, интерпретируя язык, ставит задачу показать его онтологическое «место»: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку?» [Хайдеггер, 2003, с. 193].

Подобная ориентированность исследований, связанных с возвращением к онтологической проблематике, востребована в связи с необходимостью установления глубинных ориентиров в понимании языковой личности. В связи с этим В. И. Постовалова отмечает: «В науке о языке наблюдающаяся тенденция к интегрированию находит свое выражение, прежде всего, в возвращении лингвистической мысли к основным установкам антропологической программы представления языка и культуры В. фон Гумбольдта. Осуществление данной программы начинается с создания комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [Постовалова, 2012, с. 56]. Обращение к идеям В. фон Гумбольдта и его последователя Й. Л. Вайсгербера способствует сохранению связи с фундаментальным знанием, с целью преодоления, по выражению О. Р. Демидовой, «агрессивного вынужденного устремления к всеобщему объединению без учета специфики истории, культур, ментальности, духовности, мировидения и пр.» [Демидова, 2009, с. 11]. В современных исследованиях отчетливо проявляется дискурсивный аспект определения языковой личности, что диктуется ее погруженностью в жизнь со всеми ее социокультурными нюансами, она несет на себе отпечаток условий, в которых человек вырос, индивидуальных психологических черт, характера, темперамента, ситуационных настроений и это определяет необходимость решения регулятивных задач в организации коммуникативных практик [Астахов, 2014]. Однако за всем этим рядом вариативных практик языковой личности скрываются устойчивые образования, которые можно выявить при обращении к фундаментальным основаниям культуры, отражающим духовную жизнь человека.

Библиографический список

1. Аполлонов И. А. Мультикультурализм и проблема границ культуры // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 168–171.
2. Астахов О. Ю. Регулятивные основания коммуникативных процессов в условиях современной культуры // Homo communicans IV: человек в пространстве межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Щецинский университет. Щецин : Grafform, 2014. С. 61–66.
3. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / перевод с нем. и комментарии О. А. Радченко. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. Москва : Наука, 1980. 360 с.

5. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / под общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. Москва : Прогресс, 2000. 400 с.

6. Даниленко В. П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера // Филология и человек. 2009. № 1. С. 7–17.

7. Демидова О. Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки // Вестник Герценовского университета. 2009 № 11 С. 7–11.

8. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4. С. 24–32.

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

11. Лобанова, Л. П. Язык как энергия в концепции В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). 2013. № 3 (32). URL: <http://tverlingua.ru/> (Дата обращения: 06.08.2020).

12. Овчинникова А. С. Понятие интеракции в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Тульского университета. 2016. № 7. Т. 1. С. 76–79.

13. Постовалова, В. И. Теолингвистика в современном религиозном дискурсе // Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56–103. URL: <http://md.islu.ru> (Дата обращения: 06.08.2020).

14. Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Москва : Едиториал УРСС, 2005. 312 с.

15. Самарин Д. А. Специфика ономазиологической концепции языка у Лео Вайсгербера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). Ч. II. С. 163–166.

16. Степанова Ю. В. Языковая личность и аспекты ее изучения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1 С. 186–192.

17. Хайдеггер М. Бытие и время / перевод с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. 509 с.

Reference list

1. Apollonov I. A. Mul'tikul'turalizm i problema granic kul'tury = Multiculturalism and the problem of cultural boundaries // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 168–171.

2. Astahov O. Ju. Reguljativnye osnovanija kommunikacionnyh processov v uslovijah sovremennoj kul'tury = The regulatory foundations of communication processes in the contemporary cultural context // Homo communicans IV: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauch. st. / Shhecinskij universitet. Shhecina : Grafform, 2014. S. 61–66.

3. Vajsgerber J. L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha = The mother tongue and the formation of spirit / perevod s

nem. i kommentarii O. A. Radchenko. Moskva : Editorial URSS, 2004. 232 s.

4. Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj prozy: izbr. tr. = On the Language of Fiction: Selected Works. Moskva : Nauka, 1980. 360 s.

5. Gumbol'dt V. fon Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Selected works on linguistics / pod obshh. red. G. V. Ramishvili; poslesl. A. V. Gulygi, V. A. Zveginceva. Moskva : Progress, 2000. 400 s.

6. Danilenko V. P. Jazykovaja kartina mira v teorii L. Vajsgerbera = The linguistic picture of the world in L. Weisgerber's theory // Filologija i chelovek. 2009. № 1. S. 7–17.

7. Demidova O. R. Gumanitaristika, gumanitarnoe znanie, gumanitarnye nauki = Humanities, humanitarian knowledge, humanitarian sciences // Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2009 № 11 S. 7–11.

8. Ivancova E. V. O termine «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovanija = On the term «linguistic personality»: origins, problems, potential usage // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4. S. 24–32.

9. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs = The linguistic circle: identity, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

10. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.

11. Lobanova, L. P. Jazyk kak jenergeja v koncepcii V. fon Gumbol'dta i L. Vajsgerbera = Language as energy in the concept of W. von Humboldt and L. Weisgerber // Mir lingvistiki i kommunikacii (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). 2013. № 3 (32). URL: <http://tverlingua.ru/> (Data obrashhenija: 06.08.2020).

12. Ovchinnikova A. S. Ponjatie interakcii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike = The concept of interaction in national and foreign linguistics // Vestnik Tul'skogo universiteta. 2016. № 7. Т. 1. S. 76–79.

13. Postovalova, V. I. Teolingvistika v sovremennom religioznom diskurse = Theolinguistics in contemporary religious discourse // Magister Dixit. 2012. № 4. S. 56–103. URL: <http://md.islu.ru> (Data obrashhenija: 06.08.2020).

14. Radchenko O. A. Jazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaja koncepcija neogumbol'dtianstva = Language as world creation: The neo-Humboldtian linguophilosophical concept. Moskva : Editorial URSS, 2005. 312 s.

15. Samarina D. A. Specifika onomasiologicheskoj koncepcii jazyka u Leo Vajsgerbera = The specificity of Leo Weisgerber's onomasiological conception of language // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4 (22). Ch. II. S. 163–166.

16. Stepanova Ju. V. Jazykovaja lichnost' i aspekty ee izuchenija = Linguistic personality and the aspects of its study // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1 S. 186–192.

17. Hajdegger M. Bytie i vremja = Existence and time / perevod s nem. V. V. Bibihina. Har'kov : Folio, 2003. 509 s.